

Илья ТЁ
Андрей СКОРОБОГАТОВ
РЕКОНСТРУКТОРЫ

@ЭЛИТА

16+

Илья Тё

Реконструкторы (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Тё И.

Реконструкторы (сборник) / И. Тё — Электронное издательство "Аэлита", 2014

Два друга, два разных пути в незнакомом, странном мире. Одному суждено стать скандинавом, другому славянином – так было и в ролевой игре, в которую они играли дома, на Земле. Но только ли одни они являются реконструкторами в этой новой реальности? И как устроен этот мир? Об этом и многом другом – в заглавном произведении сборника «Реконструкторы», написанном на стыке социальной, космогонической фантастики и стимпанка. Помимо соавторской повести, в сборник вошли по три рассказа (в авторской версии) Ильи Тё («Аврора, жди меня, я иду», «Трубка мира» и «Баллистика Талиона») и Андрея Скоробогатова («Их нет», «Седые небеса Мансипала», «Игрушка на снегу»).

© Тё И., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Андрей Скоробогатов, Илья Тё	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Скоробогатов, Илья Тё Реконструкторы (сборник)

Андрей Скоробогатов, Илья Тё Реконструкторы

Глава 1

Утреннее солнце пробивалось сквозь кроны могучих сосен. Игар, молодой ратник дружины Эймунда, бежал по лесу на восток. Воин спешил к речному броду, где на черноольховых берегах стоял лагерь неприятеля, славянского конунга Бурислава.

Днём ожидалась сеча, и от успеха разведки, а также внезапности нападения зависела победа северных ратборцев. Дружинники Бурислава наверняка выставили дозор, и Игар старался двигаться максимально бесшумно. Получалось не слишком удачно – кольчужный нагрудник звенел при каждом шаге, а сучки под ногами предательски хрустели. Сотовый телефон, не выключенный и заложенный в грудной карман подкольчужника, откуда его невозможно было сейчас достать, мог в любой момент зазвенеть. По уму его полагалось класть в голенище сапога, но Игар торопился, собираясь в разведку, и сейчас ругал себя за это.

Мнимое спокойствие и тишину утреннего леса в эти мгновения прерывали лишь песня зяблика, да шелест листьев. Однако неожиданно для себя, молодой «викинг» почувствовал внутреннее напряжение и резко остановился – шагах в двадцати перед собой он увидел холм, поросший кустарником, в зарослях которого, судя по размерам, мог прятаться человек.

Предчувствие не обмануло «виканга» – навстречу из ветвей выскочил «славянин».

– Ага! Попался, норвежская морда! Давно я тебя поджидаю!

Игар мгновенно выхватил из ножен свой грозный норманнский меч и с громким, почти звериным рыком бросился в бой. Светловолосый противник оказался ниже ростом, имел короткую кольчугу, в руке его крутился легкий клинок. Защищался воин категорически не славянским щитом-баклером с острым, выпирающим почти на ладонь умбоном.

В реальном бою, подумалось «викангу», его враг был бы просто обречен в схватке с закованным в железы тяжеловооруженным скандинавом, однако нагрудник и шлем варяга весили прилично и только затрудняли движения.

Этот факт заставил Игара сначала уйти в оборону – он решил не рисковать и попытаться вернуться от кустов к дороге, где на ровном грунте ему будет удобнее подловить своего более «легкого» и, соответственно, подвижного соперника. Однако после первых ударов стало ясно, что противник – полный новичок в деле мечной рубки, и действовать можно смелее. В свое время Игар активно увлекался не только ролевыми «боёвками», но и реальным клинковым боем, а в школе имел даже разряд по спортивному фехтованию – на саблях, разумеется, рапиры со шпагами его отчего-то не прельщали. Скинув затрудняющий обзор шлем, и используя, в том числе, чисто физическое превосходство в силе и росте, Игар стал теснить противника, стараясь уже не отводить поединок к дороге, а напротив – прижать врага холму и кустам.

– У, зараза, хорошо рубишься! – прокричал славянин, против желания отступая к холму; было видно, что он уже устал.

– Где лагерь? – выкрикнул викинг. – Говори, и я пощажу тебя!

– А вот хрен тебе, проклятый язычник! – выкрикнул славянин и перешел в атаку. – За князя Бурислава! За Русь Святую!

– А сам не язычник, старовер недобитый? – рассмеялся Игар, легко отбивая натиск говорливого соперника, и закричал в ответ: – За Одина Одноглазого! За Предателя и Злодея!¹ Пусть ждет нас Валгалла, где вечно живут храбрецы!

– Болтун ты, – зашипел славянин, ноги его уже то и дело соскальзывали по склону, – Не люблю варяжских богов и всю их кровожадную веру. Смерть Одину! Смерть!

В это мгновение, совершенно неожиданно и резко, погода начала стремительно портиться – с дороги подул не по-летнему холодный ветер, небо закрыла тьма, послышались громовые раскаты. Игорь с удивлением взглянул на небо, затем отошел на пару шагов и опустил меч.

– Что за ерунда... – проговорил он. – Гады метеорологи, обещали же хорошую погоду!

Первые крупные дождевые капли упали на сражавшихся, предвещая идущий следом настоящий ливень Соперник Игара воспользовался замешательством и поразил врага прямо в сердце...

* * *

– Тебя же Семён зовут? – спросил Игар, поправляя на плечах съехавший кольчужный нагрудник.

– Ага, – кивнул славянин и погладил короткую светлую бородку.

Варяжский воин поднялся с земли.

– А меня Игорь. Ты мне всё же скажи, далеко до вашего лагеря? Сейчас, похоже, ливень начнется, а до «мертвятника» ползти лень.

– Минут семь идти, – неохотно признался Семён и спросил: – Думаешь, сражение отменяется?

Игорь поднял с земли шлем, отжал промокшие от пота и дождя длинные волосы, затем нахлобучил конический убор на голову.

– Не думаю, что отменяется. Грозу бы переждать.

Семён укрепил меч в перевязи, повесил щит на плечо и указал рукой на юг.

– Пошли, там есть скальный карниз, пересидим. Мне тоже не охота мокнуть.

Игорь кивнул, и «воины» – славянин и варяг – поспешили к скалам.

– А дерешься ты, надо сказать, слабенько, – заметил Игорь-Игар. – Если бы не дождь, я бы тебя одолел. Вижу, ты первый раз на игре?

– Да, я новичок. А фехтовать учился сам, уж как могу, – речь Семёна прервала музыка, он достал из кармана коммуникатор и ответил: – Да. Нет, я в другую сторону пошел, в лесу пережду. Хорошо, вернусь, как закончится.

– Что, ваши? – спросил Игорь.

– Ага, зовут всех в лагерь. Говорят, гроза надолго. Но ничего, переждём.

Спустя мгновение после слов Семёна молния ударила в дерево, находящееся в десятке метров от парней, от мгновенно последовавшего грома заложило уши.

– Фу, блин, так и ослепнуть можно, – испуганно пробормотал Семён. – Выключу-ка я телефонный модуль, а то опасно при грозе... А вот и скалы!

В месте, к которому пришли «воины», скальные породы выходили из-под земли наружу и широкими уступами поднимались на высоту, пожалуй, четырёхэтажного дома. Изогнутые берёзы росли вокруг по краям узкого оврага. Такие места не редко встречаются по всему Среднему Уралу и называются урочищами. Ребята перешли овраг и укрылись под одним из гранит-

¹ Прозвища «Одина» – Бёльверк (злодей, предатель), «Свидур» (обманщик), Игг (ужасающий, страшный). Весьма специфический набор имен для верховного Божества.

ных уступов, образовавшим карниз. Здесь уже кто-то был до них – под ногами лежала сложенная в несколько раз бумажка, на которой просматривались какие-то цветные рисунки.

Семён поднял её с земли – бумага выглядела вполне пристойно и чисто – и осторожно развернул.

– Смотри-ка, – сказал он, – карта юга Свердловской области и Екатеринбурга с окрестностями. И даже совсем не грязная. Тебе надо?

– Давай, – усмехнулся Игорь, сложил карту и убрал в карман.

Небо меж тем словно разверзлось над лесом – казалось, будто недавно помянутый Один или кто-то другой из небожителей льёт на землю воду из своего корыта.

– Застряли? – то ли спросил, то ли подвёл итог ситуации Семён.

– Похоже... – Игорь, убрал меч с пояса и опустился на корточки.

Семён последовал его примеру.

– А чего тебя одного в разведку послали? – поинтересовался «славянин».

Игорь отмахнулся:

– Хотели ещё новичка одного послать, Юрика, да нужен он мне, с такими только проблемы лишние. Ты как реконом² стал?

– Давно хотел, а тут знакомая пригласила. Говорит, раз увлекаешься историей, почему не попробовать? Подготовился вот, одежда, оружие... Потратиться пришлось, но что делать – интересно же.

– Ясно, – сказал «викинг», немного нахмурившись. Встречал он подобных случайных людей, и ничего путного из них не выходило. – А почему славян выбрал? Патриотизм и всё такое?

– Не сказал бы, что я большой патриот. Просто сначала фолк-роком увлекся, потом...

Сверкнула молния, и послышался ещё один ближний раскат грома.

– Ты давно в клубе состоишь?

– Четвертый раз на игрушке, – ответил Игорь и поправился, чтобы его не посчитали снобом. – Правда, это разве много? Некоторые тут собираются с девяностых. Эдик тот же, он же Эймунд... Ты местный? Из Ёбурга?

– Да, я у южного автовокзала живу. А ты?

– А я в Пионерском поселке. В педагогическом учусь, на переводчика, – сказал Игорь и, приподнявшись, снял перчатку и шлем с нагрудником, пояснив: – Душно, не могу.

Семён поразмыслил и последовал его примеру, стянув свою лёгкую кольчугу.

– Хм, интересно. Языки, значит, изучаешь?

– Да, в школе учил английский и немецкий, сейчас ещё сам за скандинавские взялся. Пока ещё слабо, но отдельные фразы могу.

– Понятно, – кивнул Семён и замолчал.

Не сказать, чтобы собеседник показался ему неинтересным – просто настроения разговаривать сейчас не было – во время грозы на него всегда накатывала какая-то непонятная тоска.

Ливень меж тем не утихал, правда, раскаты грома слышались теперь всё дальше и дальше. В овраг натекла вода, и теперь оттуда шел пар. Игорь достал из кармана свой сотовый и запустил mp3-плеер. Послышались тяжелые гитарные риффы, чуть позже – хоровой вокал на смеси английского и шведского.

– «Терион»? – спросил Семён, усмехнувшись.

«Викинг» кивнул.

– Он самый! Не нравится?

² «Рекон» – реконструктор, член молодёжного движения, занимающегося воссозданием культуры, быта и боевого искусства того или иного исторического периода.

– Ну, почему не нравится? Года три назад я у них все альбомы переслушал. Сейчас поднадоело, чего-то полегче хочется.

– Чего, например? – спросил Игорь, выключая плеер в сотовом.

Семён достал свой коммуникатор, протянул «ухо» от наушников соседу и запустил песню.

– Красиво, правда, для меня – слишком легкое, – проговорил Игорь, слушая вступление. – Кто такие?

– Группа «Рось» из Ярославля. На стихи Алексея Толстого.

Послышался мелодичный женский голос.

Дым лесной вползает к небу,
Жалят тело злые стрелы;
Страшен смирному Дулебу
Синий глаз и волос белый.

Игорь откинулся назад, прислонившись к скале. «Дым, – думал он, глядя на овраг. – Дым лесной вползает к небу... Странная какая-то гроза, было чистое небо – и на тебе, началась».

Над оврагом, действительно, словно парило и странный зеленоватые в отсветах молний испарения ползли кустами, подкрадываясь к скалам.

– Кстати, ты бы выключил сотовый, – неожиданно вспомнил Семён. – Во время грозы лучше мобильным не пользоваться, бывали случаи, когда молния попадала.

– А твой же работает?

– У меня компьютер включен, а модуль GSM выключен. На коммуникаторе это возможно, а у тебя нет. Кто-нибудь позвонит, электромагнитное поле поменяется, фиг знает, как себя молния поведет.

Игорь поморщился, но на кнопку выключения мобильного всё же нажал.

Почти в тот же самый момент яркая вспышка озарило всё пространство вокруг парней. Громыкнуло совсем рядом, да так, что Игорь с Семёном на какое-то время почти оглохли.

– Что это было? – спросил Игорь, трясая головой.

– Молния ударила, – проговорил Семён, отмахиваясь от странного то ли пара, то ли дыма, который дополз до их укрытия. – При выключении мобильного идет сигнал на станцию – видимо, притянулась.

– Ха, да я понял, что молния ударила! Что, прямо в нас ударила?!

– Если бы в нас, ты бы почувствовал, – съехидничал Семен. – В скалу... Смотри, гроза кончилась, что ли?

Туманообразная дымка рассеялась. Ребята одновременно поднялись, удивленно оглядываясь по сторонам – гроза прекратилась столь же мгновенно, как и началась. Перед ними стоял тихий летний лес, и хотя небо всё ещё покрывали довольно плотные облака, дождя уже не было.

– Ну что, пойдём обратно? – спросил Игорь.

– Погоди, как-то мне это не нравится, – сказал Семён. – Такое чувство, что вокруг что-то изменилось.

Он повернулся и посмотрел вверх, на скалы. На первый взгляд, всё было нормально, но через пару мгновений одна небольшая деталь заставила волосы зашевелиться. Когда Семён обходил эти места прошлым вечером, он заметил наверху утёса надпись баллончиком – что-то вроде обычного «Здесь был Вася».

Сейчас надписи не было.

Можно допустить, что краску смыло дождём, либо кто-то ночью старательно соскоблил её, но подобное казалось столь же абсурдным, как и отсутствие надписи.

– Странно...

– Что такое? – спросил Игорь и тоже посмотрел вверх.

– Ничего... – соврал Семён, подумав, что ему всё равно не поверят. Выключил плеер, отсоединил наушники и положил в карман. – Пошли к речке, там разойдемся по лагерям. Погода вроде бы улучшилась, может и будет боёвка.

Парни подобрали амуницию и направились на запад. Мокрые стебли травы били по ногам, вода капала с деревьев. Лесные птицы снова запели после дождя.

– Что-то сеть не ловится, – заметил Игорь, глядя на экран сотового.

– Смотри! – сказал Семён и остановился. – Ты помнишь, здесь разве были густые папоротники?

– Не обратил внимания, – откликнулся Игорь, оглянувшись. – Были, наверное, не выросли же за час?

Семён кивнул, хотя сомнение осталось. По мере того, как они отходили от урочища, это чувство нисколько не исчезало, а напротив, усиливалось.

– А ты где-то учишься? – как ни в чем не бывало, спросил «викинг».

– В радиофаке УПИ отучился. Третий год работаю в сервисном центре начальником отдела. Компы, оргтехнику чиним.

Игорь неожиданно хохотнул.

– Знаешь анекдот про УПИ и педагогический?

– Нет, – проговорил Семён; ему сейчас было не до анекдотов – чувство тревоги не давало покоя, но он попросил: – Рассказывай.

– Ходит мама с семнадцатилетним сыном по Екатеринбург, выбирают, куда бы поступить. Приезжают в УПИ, а там... – Игорь остановился и поправил меч. – А там половина студентов ходят пьяные, у входа бутылки валяются.

– Ну, это не правда. У нас пили далеко не все...

– Ты слушай! Мама сыну говорит: «Нет, сюда я тебе не позволю поступить, тут тебя научат плохому. Пошли искать другой институт». Приезжают в «Пед», а там всё прилично – чистенько, все трезвые, много девушек, правда, в фойе, в кресле, сидит один пьяный парень и спит. Мама и говорит: «Нет, тут конечно лучше, но всё равно, смотри – один пьяный есть. Значит, пошли в какой-нибудь другой ВУЗ». А парень, слышишь, в кресле просыпается и говорит: «А может быть к нам, в УПИ?» Сёма, мы, кажется, заблудились.

– Смешно, – ухмыльнулся Семён. – Ладно, давай дорогу искать. Странно как-то – я не помню, куда идти.

* * *

– Игорь, я тебе говорю – не было там тропы на запад, – сказал «славянин» уставшему спутнику. Они уже второй час бродили по лесу в поисках лагеря. – У меня вообще такое чувство, что мы попали... в какое-то другое место.

– В смысле? – усмехнулся «викинг». – Куда это мы могли попасть?

Семён остановился, сорвал листья черемши и отправил в рот. Игорь поморщился, но затем последовал примеру друга – ему тоже хотелось есть.

– Шутки шутками, но ты помнишь тот зеленоватый дым в овраге? – спросил Семён.

– Да, помню. Странный дым или туман. Но мало ли чего не увидишь в грозу.

– Не хотелось тебе говорить, но я смотрел как-то передачу про паронормальные явления... Там говорили, что именно такой зелёный дым видели на Голосовом овраге в Москве. Ты слышал про эту штуковину?

– Не-а, – ответил Игорь. – Что там? Временной провал?

– Типа того... ладно, раз этому не веришь, то скажи, почему ни у тебя, ни у меня не ловятся станции сотовой связи? А у меня ещё и GPS-навигатор в коммунике спутники не видит. И куда делся ручей с бродом? Ты видишь этому какое-то логическое объяснение?

– Не знаю. Странно, что мы речку найти не можем, но чего уж сразу какие-то провалы во времени приплетать? Просто мы после дождя не сориентировались – всё иначе смотрится. Лес-то нам незнакомый, к тому же. Надо дальше идти.

Семен покачал головой, и реконы пошли дальше. Сосновый лес постепенно сменялся березняком, дорога шла немного под откос. Спустя полчаса ручей всё же нашёлся, хотя тёк он совершенно не на юг, а на северо-восток, да и выглядел более полноводным, чем помнилось парням. «Викинг» присел на корточки, зачерпнул горсть – вода оказалась обжигающе-ледяной и на удивление чистой.

– Слушай, а пошли вдоль берега? – предложил Игорь, поднялся и развернул карту. – Этот ручей течет в ту сторону, значит... впереди должны быть Дегтярск и Чусовая.

– Да уж, должны быть, – задумчиво проговорил Семён. – Если только они существуют... Ты обратил внимание? Мы не видели в лесу ни одной пивной банки, обертки, даже бутылки пустой.

– Слушай, хватит, мне надоели твои глупости паронормальные, – рассердился «викинг». – Думаешь, мне нравится эта ситуация? В общем, как хочешь, а я пойду вдоль берега.

Игорь надел шлем и зашагал вдоль берега ручья. Семёну ничего не осталось делать, как пойти вслед за ним – других идей как выйти из леса всё равно не было.

– А я тоже анекдот студенческий вспомнил, – сказал через пару минут «славянин», чтобы хоть как-то разрядить ситуацию. – Рассказать?

– Давай.

– Послал как-то Бог на землю ангела, посмотреть, как учатся студенты в начале семестра. Ангел прилетает, говорит: «Мед и Пед учатся, Политех пьянствует и балагурит»...

– Так. Похоже на истину.

– Это не всё. В середине семестра опять ангела посылают. Тот возвращается, говорит то же самое: «Мед и Пед учатся, Политех пьянствует и балагурит». И, наконец, во время сессии Бог снова посылает ангела на землю, а тот возвращается и говорит: «Мед и Пед билеты учат, Политех Богу молится»...

– «Вот им и поможем!» – продолжил Игорь, усмехнувшись. – Вспомнил я этот анекдот. Смотри, что это за ерунда?

Ручей впереди постепенно разливался в небольшой водоём. Деревьев на берегах пруда произрастало мало, зато то тут, то там виднелись невысокие пеньки осины и вяза. На водоёме послышался всплеск воды, и парни увидели небольшое животное, плывущее в направлении берега.

– Гляди! Это что, бобр? – удивлённо воскликнул Игорь.

Зверёк нырнул под воду в метре от берега, оставив на поверхности воды пузырьки воздуха.

– Нет, это что-то поменьше. На выхухоль похоже. А бобры – они вон там, – Семён указал рукой по направлению течения. – Там у них, похоже, плотина.

– Да? Бред какой-то, – сказал «викинг». – Я что-то не слышал о выхухолях в Ревдинском округе.

Семён кивнул.

– Это выхухоль. Если не путаю, они только в Башкирии остались и в Челябинской области, а на Среднем Урале вымерли.

– Так, кто у нас ещё доплавающий? – спросил Игорь и задумался. – О, ондатра! На прошлом конвенте у нас ребята их видели под Белояркой, на Пышме.

– Ондатра покрупнее будет и у неё морда тупая, – возразил Семён. – А у этой что-то типа хоботка было.

– Нет, пускай будет ондатра, – нахмурился Игорь и направился дальше. – Кстати, знаешь анекдот про выхухоль и ежа?

Впереди, как и предполагал его спутник, оказалась небольшая бобровая плотина с хаткой. Игорь подумал было спросить Семёна, а водятся ли в Свердловской области бобры, но решил лучше не делать этого – и так ситуация была абсурдная и никак не укладывалась в голове.

Через пару сотен метров пути лес перед ними расступился, и они увидели широкую просеку, идущую с запада на восток. Посередине просеки была проложена дорога, проходившая по невысокому мостику через ручей.

– Что за фигня... – испуганно проговорил Игорь, достал из кармана карту и повторил: – Фигня, ей богу! – откуда тут дорога?

Семён пожал плечам:

– Я же говорю – странные дела.

«Викинг» попытался успокоиться и найти какое-то логичное объяснение.

– А, хотя... Смотри, – он показал карту Семёну, – может, это вовсе не приток Чусовой? А?

– Может, этот ручей в Патрушиху впадает? Тогда с той стороны полигон танковый, Погореловский Кордон, а это военная дорога. А? Вроде бы всё сходится.

– Ерунду ты говоришь, Игорёха! – Семён махнул рукой на карту. – Какой, на фиг, кордон?! Ты что, хочешь сказать, что мы пешком уже от Ревды до Ёбурга дошли? Сорок километров? А где Чусовая? А железка?

Он быстро направился к середине просеки.

– А что ты предполагаешь? – в ответ закричал Игорь и побежал вперед, к дороге. – Что мы в прошлом? Что мансюки вырубали просеку и построили мост?

Семён взобрался на мост. Сооружение было каменным, арочной конструкции, массивные гранитные блоки поросли внизу синим лишайником. Сама дорога трехметровой ширины оказалась выполненной из длинных полос красного материала, похожего по структуре на асфальт, но более ровного и твёрдого. Местами из стыков полос торчали побеги молодого узколиста. Семёну стало не по себе от мысли, что он не видел ничего похожего на Земле.

– Игорь! – закричал он. – Мы хрен знает куда попали! Такого не было под Ёбургом, да и... вообще не было на Земле.

– Да почему не было?! Я тебе говорю, блин, это военная дорога, там, – он указал рукой на запад, – Широкая Речка. Значит, и Ревда с Дегтярском там, пошли на запад, через пару часов доберёмся до ребят!

– Ты пойми, нет на западе твоего Дегтярска, и Ревды нет! И ребят нет! И лагеря!

Игорь замолчал. Бросил на дорогу уже снятый к тому времени нагрудник, сунул в карман карту и спросил более спокойным голосом:

– Куда тогда предлагаешь идти? Да, кстати, включи ещё раз сотовый, может здесь он поймает спутник, а?

– Да не буду я включать GPS, у меня батарея скоро сядет! – Семён был почти на взводе. – Бессмысленно всё это. И не надо никуда идти! Раз есть дорога, значит, по ней кто-то ездит, надо просто остаться и ждать! Нет другого выхода.

«Викинг» страшно нахмурился и закричал:

– Ждать надо, говоришь?! А не хочу я ждать! Я жрать хочу, понимаешь?! Надо идти на Запад, к Дегтярску! Тут всего километров десять. Кольчуги спрячем, так легче идти будет, потом съездим на машине и заберём.

– Слушай, устал я, честное слов! – сказал Семён и уселся на мостовой бордюру. – Все ноги уже стоптал в этих сапогах. Переждём какое-то время, а там что-нибудь придумаем, давай так, а?.

Он снял щит и кольчугу, меч с пояса, положил на край моста, где уже лежал оставленный Игорем нагрудник и, усевшись на бордюру, принялся стягивать тяжёлые сапоги и снимать носки.

У Игоря всё вкипело внутри – больше всего он не хотел сидеть на месте и ждать неизвестно чего.

– Ну и сиди, – сквозь зубы проговорил варяжский воин и хотел ещё что-то добавить, но увидев ноги «славянина», осёкся.

Ноги у Семёна, действительно стёрлись в кровь за время хождения по лесу. Парень сидел и разминал пальцы, подставляя ступни дуновению лёгкого ветерка.

– Слушай, – сказал Игорь, сменяя гнев на милость, – давай так. Ты посиди, отдохни, а я пойду по дороге, посмотрю, что впереди. Потом вернусь и расскажу. Пройду километров четыре-пять. Ровно час туда, час обратно, засеку время.

– Да нет, – покачал головой Семён, – не стоит нам ходить поодиночке. Я посижу немного и пойдём.

Игорь с сомнением посмотрел на ступни нового приятеля.

– Нет, уж, сиди! Вон, опусти ноги в воду, легче станет. А я пошёл!

И он решительно зашагал по дороге.

– Да подожди ты! – послышалось сзади. – Не стоит нам разделяться.

– Не спорь! Сядь, отдыхай, через два часа вернусь, – бросил Игорь через плечо.

Он ещё не знал, какую ошибку совершает.

Глава 2

С одной стороны, Семён был рад передышке – ноги действительно болели и отдых ему требовался. С другой – он негодовал. Как можно быть настолько упёртым болваном и не понять простой истины, что уже и еже ясно, что нет на западе никакого Дегтярска, равно как и Ревды, и реки Чусовая!

Они с Игорем не просто заблудились в лесу, они попали в совершенно иное место, очень похожее на среднеуральский лес, но иное. Как попали – не понятно, но не могло же случиться всё так, что они совершенно не узнают местность, по которой уже ходили. Странная дорога, бобровая плотина и неработающие сотовые – разве таких доказательств мало, чтобы понять ситуацию? Они явно не там, где находились до грозы!

Нет, не стоило Игорю уходить, надо было отдохнуть и идти вместе. Ну не виноват же он, что стёр ноги этими чёртовыми сапогами!

Семён спустился к речке и опустил в прохладную воду горящие ступни – ох как хорошо!

Он вытащил коммуникатор, хотел послушать музыку, но аппарат пикнул, и вылезла табличка – «Основной аккумулятор разряжен. Для предотвращения потери данных замените или подзарядите аккумулятор...». Видимо, телефон тщетно пытался найти станцию связи и истратил весь заряд. Маленький ресурс батареи – главный минус таких навороченных устройств. Реконструктор чертыхнулся, и, выключив аппарат, стал разглядывать лес вокруг, легонько бултыхая ногами в воде.

Так он просидел с полчаса – ноги в прохладной воде почти перестали болеть, но стал всё сильнее давал о себе знать голод.

Семён встал и осушил ступни пучками травы. Приглядевшись к округе, он обнаружил на противоположной обочине вниз по течению ручья небольшую ложбину, поросшую каким-то кустарником. При ближайшем рассмотрении кустарник оказался жимолостью с необычно крупными синими плодами. Ягоды показались Семёну слегка кисловатыми, но сочными и достаточно спелыми. Семён съел пару гостей ягод, но голод всё равно оставался, и, вернувшись к мосту, начал слоняться вокруг босиком.

В метрах семидесяти на восток у дороги стоял покосившийся столб, который почему-то не был сразу замечен ребятами. Рекон решил разглядеть его поближе.

Столб состоял из деревянного шеста, укрепленного в земле при помощи всё того же красного асфальта. Наверху имелась небольшая, двадцати сантиметров в длину, и немного заржавевшая по краям жестяная табличка. На красном фоне красовалась белая стрелка, указывающая на восток, красный диагональный крест и цифра «5».

Красный диагональный крест показался Семёну удивительно знакомыми, правда, точно он не вспомнил, откуда, но больше всего обрадовала цифра «5». Конечно, она была написана немного странно – верхняя черта шла не горизонтально, а под углом, и нижняя завитушка казалась излишне выгнутой. Однако у рекона не осталось и тени сомнения в том, что это ни что иное, чем земная, арабская цифра «пять». Конечно, в окрестностях Екатеринбурга такого столба быть не могло, но даже если они оказались в каком-то «ином месте», то дело придется иметь не с пятнистыми гуманоидами, а кем-то, несомненно похожим на людей, если не с самими землянами.

Захотелось поделиться открытием с Игорем. Эх, ну зачем он ушёл! К тому же, стрелка указывает на восток, а на запад указателей нет – так значит, и надо идти на восток. А раз на табличке есть цифра «5», то, возможно, до какого-то жилого пункта всего пять километров. Или не километров? Кто знает, если они оказались действительно не на Земле, то какие тут единицы измерения?

Семен снова вернулся к мосту. Конечно, вопросов оставалось больше, чем ответов, рекона мучила тревога. Он легко переносил одиночество, но быть одному в абсолютно чужом мире – а рекон теперь ни на йоту не сомневался, что он не на Земле, – ему не приходилось.

Прошло ещё полчаса, потом ещё – близилось время, когда Игорь должен был вернуться. Семён начинал нервничать всё больше и больше, а в голове роилась куча вопросов. Кто построил эту дорогу? Почему вокруг не видно людей, не проехала ни одна машина? Может, здесь вообще не осталось живых, а мост и дорога – остатки вымершей цивилизации? Перед глазами всплыли сюжеты из научной фантастики с пресловутыми «чужими», захватившими планету людей.

«Да уж, сбылась мечта идиота. Первая ролёвка – и сразу такая передрыга, – грустно подумалось рекону. – Говорили родные – не ездите никуда, так нет же, поехал зачем-то».

Вспомнились родители, Екатеринбург. Стало грустно, и Семён решил больше не думать об этом. Чтобы прогнать тоску и немного успокоиться, «славянин» начал тихонько насвистывать мелодию, но никак не мог.

Семён включил коммуникатор и проверил время – до возвращения Игоря оставалось десять минут. Поднявшись с бордюра, парень надел сапоги и посмотрел на запад, куда ушел приятель – если бы он возвращался, то должен уже появиться в поле зрения. Однако на дороге не было видно никого.

Семён выругался – вот ведь как чувствовал, что не надо ходить поодиночке. Но время ожидания вышло – теперь ему не оставалось ничего, как либо тупо сидеть и ждать до ночи, либо самому идти в сторону, куда ушёл Игорь.

И он пошел. Сначала шел медленно, потом перешел на легкий бег. Ноги, стёртые сапогами, отзывались болью при каждом шаге, но раз он решил идти, то менять свое решение уже было поздно.

Лес по краям дороги был настолько одинаковым, что, сколько бы Семён не шел, ландшафт оставался неизменным. Зрительно казалось, что дорога идет немного в гору, хотя наклона не чувствовалось. Через минут пять рекон остановился, отдышался и посмотрел назад. Мост всё ещё виднелся вдали, но несколько удивляло то, что дорога позади также показалась поднимающейся по склону холма, хотя то место, где они с Игорем вышли из леса, больше напоминало низменность. «Нет, это мне только кажется, – решил рекон и пошел дальше, но уже шагом. – Хватит на сегодня странностей».

Дорога плавно поворачивала на юг. Игоря впереди не было видно.

– Иго-о-орь!!! – крикнул Семён, и негромкое эхо, отразившись от леса, прилетело обратно. «Нет, кричать не стоит, мало ли что...», – подумал рекон, и продолжил дорогу.

Навстречу дул легкий летний ветер. Дышалось здесь на удивление легко, в воздухе не чувствовалось ни малейшего намека на выхлопные газы или другие следы цивилизации. Может, это далекое будущее, где люди вымерли несколько сотен лет назад? Хотя, дорога не похожа на сильно заброшенную – за пару сотен лет от покрытия остались бы только небольшие участки. Всё равно, Семён до сих пор не видел здесь других признаков цивилизации, кроме столба, моста и дороги.

А впереди, за поворотом, метрах в пятидесяти снова виднелась развилка. В месте соединения дорог находилась небольшая круглая площадка из того же красного асфальта. На развилке стоял такой же столб, что и у моста. Левый свороток дороги был уже, чем правый, но указатель на столбе показывал налево, около стрелки стояла цифра «9». Странная цифра, со спиралькой внутри верхнего круга.

«Наверняка Игорь заметил столб и пошёл налево», – решил Семён и хотел уже, было, отправиться в ту же сторону, как в этот момент услышал странный звук, выбивавшийся из звуковой картины окружающего леса. Он был явно человеческого происхождения, напоминающая шум какого-то двигателя. Семён прислушался, пытаясь найти источник звука. Звук шёл с

востока, из-за леса, он все усиливался, перерастая в негромкий рокот. Реконструктор вышел на круглый пяточок и посмотрел в ту сторону.

Источник шума показался спустя минуту, и находился не на просеке, а над ней. Это был небольшой летательный аппарат, словно сошедший с первых страниц земной истории авиации – не то самолёт, не то легкий вертолёт. Два наклонных винта крепились на выносных стойках по бокам узкого корпуса, на носу аппарата виднелся ствол какого-то орудия, а за лобовым стеклом маячило лицо пилота. Лётчик заметил Семёна и начал снижаться над дорогой, стараясь сесть на круглый пяточёк.

Семён сначала импульсивно бросился в кусты, а потом остановился уже у самой опушки леса. Куда и зачем бежать? В конце концов, это был первый человек, которого он видел тут, не считая пропавшего Игоря. Он отошёл ещё немного в сторонку, с волнением наблюдая за посадкой.

Когда странная машина опустилась на площадку, пилот вылез из неё и направился к Семёну. Это оказался человек невысокого роста, со светлыми усами и короткой, как и у Семёна, бородой. Одет он был в серую плотную куртку с пуховым воротником и сложным орнаментом на плечах. Голову покрывала плотная вязаная шапка с длинными ушами.

– На-ко, откуда тута взялся? – сказал пилот, приблизившись. На вид ему было лет тридцать пять, выглядел незнакомцем, несмотря на большой револьвер, висевший на боку, вполне дружелюбно. – Говорю разумеешь ли?

Незнакомец сильно окал, интонация голоса тоже показалась странной – казалось, что каждое предложение – вопросительное.

«Надо же, по-русски говорит, только странно как-то», – подумал Семён.

– Разумею, – ответил он, хотя сам немного не понял слова «говорю» с неправильным ударением.

Пилот посмеялся.

– Так пошто бёг-то? Раз ты наш.

– У вас оружие, – проговорил Семён. – Я подумал, что вы меня будете убивать.

Пилот неожиданно помрачнел и вытащил револьвер.

– Есть про что убиваць? А ну крест выкажи-ка!

Букву «че» незнакомец выговаривал как-то странно – было не понятно, то ли это «че», то ли «цэ», да и другие согласные звучали непривычно мягко. Семён был крещёным, хоть и не особенно верующим. Он достал из-под стёганого подкольчужника свой серебряный крестик и показал пилоту.

– Со крестом. На-ко, серебро, – пилот приблизился и погладил поверхность креста. Опустил револьвер и пожал руку. – Меня Егорием звать. Ты как есюды попал-то? Тут ж война кругом!

– Где война? – удивился землянин и представился: – Семён.

Пилот махнул рукой, указывая на запад и на юг.

– Вона война. Вскоре и на восток пойдёт. Тут приграничье как раз, в лесу партизана вогульскийё, а за лесом-то войска Харальда, князя ферьярьскога.

– Войска?! – воскликнул землянин. – Партизаны? У меня друг пошел по той дороге, надо срочно найти его, пока не попал в плен!

Егорий покачал головой.

– Беда с твоим другом, но тут уж не поделаць ничего – к ферьярьцам иттить порато опасно, да и не вместит винтолёт троих-то. Как хочешь – тебя выручу забрать до городка, а куды уж там – сам решай. А откуда ты такой чудной-то? Тебя послушаць, словно книгу стару почитати, половину словес не бардаешь! Крестолесовской, поди?

– Я с Земли... Кстати, какая это планета?

– С Земли? – удивился пилот, и потом расхохотался. – Так ведь нема Земли-то, уже, почитай, колен двадцать как в Новомирьи живем! Темнишь, братец. Уж пойдем, дородно в лесу сживаець.

Слова лётчика повергли Семёна в небольшой шок. Затем он спохватился, вспомнил про Игоря.

– Егорий, у вас же аппарат летательный, тут недалеко лететь, надо догнать моего друга и забрать его тоже. Всего километров... то есть вёрст шесть пролететь, не больше!

Пилот нахмурился и пошел к дороге, объясняя попутно:

– Значицца, дело такоё, Семён. Либо со мной летишь во двоём, либо ты остаёшься и другу своёва заплутавшего ходишь³. Говорю же, троих-от винтолёт не вынесёт, да и горючега не хватит попусту летат да садище. Решай, нет нужды тебя упрашиваець. Позжа вышлем винтолёт твоёва друга ходить.

Семён вздохнул – действительно, делать было нечего. Если Егорий обещает, то уж лучше так искать Игоря с воздуха, чем ему бродить по лесу.

Они вышли к винтолёту. Аппарат был в длину метров шесть и выглядел несколько примитивно, хотя землянин видел, что держится в воздухе он весьма уверенно. По бокам продолговатого корпуса виднелась узорчатая надпись «КАНЯ-24» и красные диагональные кресты на бело-синем фоне. Семёну знак показался похожим на Андреевский крест, флаг военно-морского флота, но только там крест был синим, а поле красно-белое.

Егорий подлез под левую винтовую опору и открыл переднюю дверцу.

– Вы меня поймите, Егорий, мы с Земли, мы, правда, с Земли! Мы участвовали... в особом состязании, поэтому так странно одеты. Во время грозы мы спрятались в скалах, и...

– Не бардаю, – оборвал его лётчик и воткнул револьвер в специальный зажим. – Надень оплецуху, не то уши при полёте застудишь. И заложь наушники, а то винты громко верещат.

На заднем сиденье лежала вязаная шапка с ушами, как и у Егория. Семён, утративший всякую надежду уговорить пилота, вдруг вспомнил о своём неопровержимом доказательстве. Достал из кармана коммуникатор и показал.

– А такое вы видели? У вас есть подобные устройства?

Землянин нажал кнопку включения. Зазвучала музыка, на экранчике показалась заставка-приветствие, после чего аппарат снова завопил о том, что батарея разряжена. Землянин выключил телефон – мало ли, сколько ещё раз потребует его продемонстрировать? На лице Егория отразилось большое изумление, после чего пилот проговорил:

– Ну, ты и истовённо – иномирец, признаю. В Крестолесьи – и то, таких агрегатов не стренуть. Там музыкальные машинки размером с сундучок... Я про таких, как ты, чужеземцев читал, что ёни с севера далёкого походят, изо льдов. Туды купцы из Синелесьи двои-раз ходили, да так и не воротились. Раз ты оттуды пришел, то я непременно должен тебя в город отправить, садись скорее, да полетели!

– А как же мой друг? – сказал Семён.

– Сыщем друга, вперьво давай тебя до Троеугорья довезём. Да и смена моя кончаецца, передаць пора.

Семён кивнул, хотя не знал, можно ли полностью доверять пилоту. В то же время, информация о том, что тут слышали про чужеземцев, придала землянину небольшую надежду – раз были чужеземцы, то, может быть, путь домой не закрыт? Егорий тем временем сел за руль и начал дергать на разные рычажки.

– Троеугорье – это ваша столица?

Пилот посмеялся.

³ Здесь – в значении «разыскиваешь».

– Какой там, столица – так, городок наш приграничный. Столица-то у Серафимского князюству дальше ко северу лежит, на морьску берегу. Мы, поморы, окромя колоний, все на северах живем.

Поморы. В памяти всплыли кадры из фильмов о русском Севере, фотографии из этнографических книжек. У старшей сестры муж был родом из Архангельска, он рассказывал о своём деде, который был помором. Теперь всё это слилось в одну картину, и Семёну стало ясно, откуда такой удивительный говор, старинные слова и странная одежда. Но мир был другой. Совсем другой. И загадок меньше не стало – откуда в этом мире могли появиться земные поморы, причём с такой необычной техникой? Что за война на западе, и что станет с Игорем? Бывший рекон взял в руки шапку с сиденья и застыл в нерешительности.

В этот момент облака разошлись на большом участке неба. Семён посмотрел наверх и чуть не ахнул: вместо привычного солнечного диска там виднелось огромное светящееся пятно, с рваными краями и прорехами. Сомнения, если после встречи с Егорием они ещё оставались у Семёна, теперь улетучились полностью: он находился не на Земле.

– Ну что, Семён, летишь со мной, здесь остаёшься ль? – спросил Егорий, наклоняясь с переднего сиденья.

Напомнил о себе голод, да и логика подсказывала, что надо лететь. Семён вздохнул, надел шапку и сел на заднее сиденье.

Егорий забормотал что-то невнятное, видимо, оберегающую молитву, затем зашумели трехлопастные роторы винтолёта, и разговаривать стало невозможно. Землянин закрыл дверцу кабинки, прижал шерстяные наушники-затычки к ушам и откинулся на кожаное кресло. Короткий разбег – и машина оторвалась от земли, резко набирая высоту.

Аппарат двигался с приличной скоростью – около сотни километров в час. Сначала они летели над просекой, затем свернули на северо-восток. Хотя сложно было сказать, точно ли это северо-восток – из-за облаков Семён так до конца и не понял, в какой части света он находится и какое сейчас время суток. Лес вокруг казался бесконечным, его пересекали лишь редкие ниточки речушек и ручьев. Впереди виднелись какие-то горы и возвышенности, также поросшие смешанным лесом. Природа казалась нетронутой.

Землянин попытался взглянуть в линию горизонта, но был удивлен, когда не смог понять, где кончается лес, и где начинаются облака. Периодически облака расступались, и в разрывы выглядывало это странное, похожее на пятно, солнце.

Свет его казался каким-то неестественным, и неожиданно Семён понял, в чём это проявляется. Все объекты в этом мире не отбрасывали чёткой тени. Тень получалась размытая, словно от лампы дневного света. Землянин стал думать, в чем может быть дело, и ему подумалось, что это как-то связано с атмосферными явлениями. Возможно, в атмосфере этой планеты есть слой, который таким причудливым образом преломляет свет светила? Поэтому и видно пятно, а не диск. Интересно будет спросить об этом местных ученых, если таковые найдутся. Нет, ученые определенно должны быть, без учёных невозможно сделать такой сложный аппарат, как вертолёт.

Полёт занял чуть больше часа. Семён погрузился в свои мысли и не заметил, что они прилетели. Городок словно вырос из леса, стоящего на трех холмах, и его постройки можно было заметить только при близком приближении. Посадочное поле было небольшим, всего метров пятьдесят в поперечнике, на нем стояли ещё три таких же винтолёта. Егорий ловко посадил «Каню-24» на крайнюю левую площадку, рядом с высоким бревенчатым забором. Семён снял наушники с шапкой и спросил пилота:

– Куда теперь?

– Поглядим, – ответил Егорий. – Вперьво, начальству тебя покажем. Время уж ко вечеру близище-то. Пошли-ка ко лётному двору.

Глава 3

Очнувшись, Игорь некоторое время лежал с закрытыми глазами. Жесткий войлок покалывал тело. В открытом окне выше над головой слышалось шуршание листвы, лай собак вдалеке.

Даже с закрытыми глазами Игорь чувствовал заливающий мир яркий солнечный свет. Внезапно его заслонил темный силуэт, и на лицо брызнули холодной водой. Вздрогнув и выругавшись, Игорь поднял веки, затем автоматически попытался сесть – в груди резко кольнуло. Непроизвольно застонав, рекон зажмурился и снова откинулся на спину.

Над ним прозвучал звонкий девичий голос, говоривший что-то на незнакомом языке. Впрочем, настолько ли незнакомом? Отдельные слова показались Игорю на удивление понятными.

Вторично открыв глаза, Игорь узрел перед собой чернявую девицу со стянутыми хвостом угольно-черными волосами и темной, почти шоколадного цвета кожей. На первый взгляд девушка казалась необычайно загорелой азиаткой или даже негритьянкой, однако черты лица её, правильные и прямые, словно скопированные с античных статуй, были вполне европейскими. В руках «негроидная арийка» сжимала металлический ковш.

Во всем облике девушки сквозило нечто ... необычайное, однако Игорь не мог объяснить что именно, кроме внешности, кожи и черт лица: греческий подбородок и нос дополняли широкие скулы, и весьма странным казался разрез огромных, широких глаз. Общая смуглокожесть также наводила на размышления.

Несмотря на странную внешность, девица была удивительно миловидна. Привлекательный образ её усиливала несколько необычная одежда. На девушке красовался очень узкий жилет, едва прикрывавший весьма крупную для тонкой талии грудь, и юбка, доходящая до щиколоток. Юбку рассекал длинный разрез, из которого выглядывало кофейного цвета бедро. Ткани одежды были насыщенного, ярко-алого цвета.

– Arrauven, ich nauv, – повторила невидимая девушка, – gut Gersen farmant⁴.

Больной открыл рот, чтобы что-то сказать, и тут сообразил, на каком языке говорят. В педагогическом Игорь учился на лингвиста скандинавских языков, но кроме основного курса зубрил самостоятельно различные атлантические диалекты странников-норманнов, которые находил интересными для самообразования.

На удаленных островах и уголках суши, куда дикие викинги добирались через седой океан на утлых суденышках, процветала целая языковая палитра, которую при некотором желании можно было назвать подлинным лингвистическим антиквариатом. В частности, Игоря волновали так называемые «Lengmily», использовавшийся когда-то в Исландии, «Harmily», процветавший в свое время на Оркнейях, Шетланде и Фаррерском архипелаге, а также знаменитый и проживший до наших дней «Flandmarol», жестокий, насыщенный нецензурными оборотами и оскорбляющей богов бранью «жаргон рыбаков», используемый северными разбойниками и китобоями.

«Гранит науки» давался Игорю легко, если дело касалось языков, истории, географии, литературы и не затрагивало такие сферы, как математика или физика. Изучению скандинавской лингвистики и культуры способствовали также участие в движении реконструкторов и увлечение тяжёлой музыкой, да и вообще, ярко выраженный гуманитарный склад игорегово ума. Игорь мечтал стать филологом, переводчиком, возможно даже дипломатом, собиравшись по окончании университета обязательно посетить страны Скандинавии, чтобы пообщаться с «носителями» и познакомиться, так сказать, с предметом изучения непосредственно.

⁴ «Я знала, что жив, если Гersen кого-то штопает, то уж наверняка» (староисланд).

Однако... никогда не думал, что владение мертвыми диалектами может понадобиться столь скоро и в столь своеобразных обстоятельствах.

Ибо он понял, что сказала ему девица.

«Аггаувен», – означало «живой», насколько он смог уловить. А «Gersen farmant», по всей видимости, «Герсен лечил». Значение слова «герсен» Игорь определить не мог, возможно, это было имя, или одно из названий местного медицинского персонала. Как бы там ни было, общий смысл фразы, оказался рекону доступен и он, пораженный только что сделанным открытием, автоматически воздел руки в универсальном дипломатическом жесте – вверх, раскрытыми ладонями в сторону собеседника.

Жест значил: «Мир. Я безоружен».

Девица премило улыбнулась и кивнула, прикрыв глаза. Было видно, что она поняла этот «жест миролюбия». Смуглянка кинула ему полотенце, поставила ковшик на стоящую рядом тумбу, сказала: «Waiter!»⁵ и вышла.

Вытерев влажные грудь и лицо, путешественник осмотрелся.

Он лежал на металлической кушетке в небольшой узкой комнате, стены которой были оклеены светло-красной бумагой с серыми и черными полосами. С потолка смотрели грубые деревянные балки.

Потолок, двери, плинтус, и доски пола покрывала кроваво-красная краска одного тона с тем лишь отличием, что на полу эмаль уже сильно истёрлась человеческими ногами. Игорь отметил, что с красным цветом в убранстве наблюдается некоторый перебор.

Кроме дощатой кушетки, судя по жесткости, застеленной тонким матрасом и ветхой простыней, в комнате находились длинный стол, стулья, стоящие у стола и вдоль стен, небольшой платяной шкаф, тумба и несколько книжных полок. Часть комнаты, наиболее удаленная от двери, отгораживалась также деревянной стойкой и шторой. Возможно, заключил Игорь, то была раздевалка.

Свет заливал комнату через широкие прямоугольные с небольшими форточками в верхних углах. Форточки закрывали старые от грязи москитные сетки, приклеенные или прибитые к раме гвоздями...

Глядя на сеть, Игорь неожиданно вспомнил вчерашний день. В мозгу запрыгали хаотические картинки.

Кушетка, красно-серая комната, сексуальная смуглянка, говорящая по-исландски, могли каким-то фантастическим образом оказаться лагерем спасателей, экологов, туристов, охотников, иностранных реконов, наконец, – то есть чем-то связанным с его прошлой жизнью.

Но только не то, с чем он столкнулся вчера. Разумеется, если это не было бредом.

Нахмурившись, Игорь стал восстанавливать прошлое в памяти.

Расставшись с Семеном, он отправился по дороге. Картинки этого куска времени проявлялись довольно смутно, возможно, сказывались усталость, голод и некоторое раздражение, с которыми викинг Игар оставлял единственного спутника. Хотя он искреннее сочувствовал Семёну, но одновременно злился на случайного товарища: кто же отправляется на реконструкторский конвент в плохо подобранных сапогах?..

Крепкие ноги самого Игоря уверенно маршировали по влажной дороге, усталость и голод уже давали о себе знать, и чем дальше Игорь удалялся от моста, на котором оставил Семена, тем больше жалел о принятом решении. Оставить единственного товарища казалось сейчас глупостью. Впрочем, успокаивал он себя, ровно через час он повернёт назад, вернётся к товарищу, а дальше они подумают, что делать.

⁵ «Жди» (староисландский).

Пройдя очередной поворот, Игорь увидел развилку. Красная дорога делилась здесь надвое. На стыке дорог стоял столб с указателем. Обрадованный Игорь бросился к нему, чтобы прочесть, но на тонкой деревянной дощечке была только странная цифра «9» и стрелка.

Ни названий пунктов, ни расстояний, только украшенная необычной завитушкой девятка. Красноречие столбовой надписи окончательно вывело Игоря из себя. Одна полоса дороги заворачивала на северо-запад. Теоретически – на Дегтярск. Вторая уводила к югу, в совершенно неизвестном для Игоря направлении. Достав карту, реконструктор только сплюнул. Дорога, по которой он шел, никак не стыковалась с географией, нарисованной на бумаге. Выбрав направление «на Дегтярск» и всё ещё на что-то надеясь, Игорь быстрым шагом двинулся на северо-запад.

Но когда отведённое им самим на движение время подошло к концу Игорь прошёл километров шесть-семь в выбранную сторону – а двигался он быстро – и почти окончательно пришёл к выводу, что никакого Дегтярска здесь нет, а вокруг – творится полная чертовщина.

Прежде всего, за этот час он не встретил совершенно никаких признаков цивилизации, кроме столба, что было невозможно, если считать, что они находились в окрестностях крупного современного города. Телефон по-прежнему упорно молчал. Однако это были только цветочки по сравнению с открытием, которое ждало Игоря впереди.

Когда наступил момент поворачивать назад, Игорь сбавил темп, ещё раз внимательно осмотрелся и при этом взглянул на небо. Увиденное едва не свалило «викинга» с ног.

Как и всякий современный человек, привыкнув к обыденности своего существования, Игорь очень редко смотрел в небеса, особенно днём. Солнце, которое он увидел сквозь расступившиеся тучи, не только не поменяло своего положения после полудня, который давно уже миновал, но и решительно увеличилось в размерах! Гигантское солнечное пятно, в десятки раз больше привычного земного светила, исторгало ослепительные лучи, находясь почти прямо над головой, в зените, и занимая добрую четверть неба. У большинства деревьев и у самого Игоря практически не было тени, вернее, тени имелись, но размытые, с нечеткой границей, будто размазанной на картине водой.

«Викингу» стало плохо. Осознание «иномирности» теперь стало очевидным. Как ни крути, «славянин» Семен, которого викинг бесосновательно обругал и оставил одного в неизвестном мире, оказался полностью прав.

Они с Семёном действительно... куда-то провалились.

Хотя в своё время Игорь достаточно читал фантастики, в споре с Семёном широта взгляда на мир, которую неизбежно формирует этот вид литературы, не сработала. Тем не менее, в данную минуту «викинг» уже вполне допускал саму идею переноса из мира в мир. Но, несмотря на явную книжную увлекательность подобных сюжетов, сейчас он чувствовал только холодный, совершенно спокойный, логичный, расчетливый, облепляющий не душу – а хуже! – сам разум, страх. Дело в том, что в отличие от многих любителей авантюрного фантастического чтения, Игорь вполне отдавал себе отчет, что любой так называемый «иной мир», не говоря уже о прошлом родной Земли, является отнюдь не романтическую сказку с благородными рыцарями, коварными злодеями, мудрыми королями и прекрасными дамами. Реальная история была куда более прозаична и жестока. В мире викингов и славян, если уж на то пошло, и его и Семёна ждала единственная логичная участь – «холоп» у славян и «трэль» у варягов. Раб! Третьего история не предусматривала.

В совершенном отчаянии несчастный лингвист повернул назад к «славянину» Семену, как вдруг услышал звонкое цоканье и металлический перезвон.

На мгновение Игорь застыл, а в следующую секунду его охватила паника. Он сегодня долго искал людей, но, впервые за долгие часы услышав связанные с человеком звуки, вдруг испугался. Рослый и смелый парень, он был ничем в новом мире, вернее мир вокруг мог оказаться каким угодно! Один в незнакомом лесу, в нелепом викингском костюме, шокирован-

ный происходящими вокруг необъяснимыми явлениями, молодой человек вдруг почувствовал, что сердце готово выпрыгнуть из груди.

Она несколько замешкался, не зная, как лучше поступить – прятаться или дожидаться появления источника звуков, но пока колебался, из-за деревьев, скрывающих очередной поворот, показались всадники. В первые же секунды «викинг» насчитал трех верховых, ехавших по тесной дороге в ряд – на всю ширину. За ними следовал ещё одна троица, затем ещё – всего человек двадцать.

Заметив Игоря, тройка «передовых» дружно гикнула, будто ожидала появления незнакомца, и пришпорила лошадей. Они понеслись на него, стремительно набирая скорость.

Во рту стало кисло. Проглотив возникший в горле комок, Игорь подавил желание бежать, вспыхнувшее в пятках, и остался на месте. В конце концов, это люди. Прежде чем сделать что-то, они должны поговорить... Рекон неспешно сошел на обочину, как бы пропуская всадников, зачем-то вытащил свой бесполезный меч, и прислонил полированное лезвие к выставленной вперед правой ноге. В голове почему-то поплыли обрывки из голливудских фильмов про хронкорректоров, и страницы читанных по случаю фэнтезийных романов. Параллельные миры, темные рыцари, магия, кавалерийские кони, и он – в шлеме с мечом. Не сказка ли?

Кони, впрочем, выглядели не сказочно – они неслись прямо на него. От животных несло грязью и потом, а неуклюже громоздящиеся наездники не походили на рыцарей. Головы их украшали странные уборы, более всего напомилавшие бейсболки, – их очертания четко вырисовывались на фоне более ярких небес. Доспехов на конниках также не было, – то, что он видел, скорее, следовало назвать широкими рубахами, рукава которых хлопали на ветру.

Чудовища стремительно приближались. Последним, что видел Игорь, стали силуэты карабинов, в руках атаковавшей его троицы. Он попытался увернуться, но передовое животное, громко заржав, не дало ему уйти. В следующее мгновение огромная туша закрыла собой небосвод. Тело коня ударило реконструктора в ребра, и он взлетел в воздух, как кегля, снесенная тяжёлым чугунным молотом.

Глава 4

Семён хотел попросить еды, но решил не торопить события. Они вышли из машины. К винтолёту подбежал паренёк в длинной серой рубаше, кативший громоздкую тележку с баком – вероятно, заправщик.

Направились к двухэтажному бревенчатому зданию с высокой башенкой. Над полукруглыми воротами висел странный герб – синий трехглавый лебедь с шеями в виде креста, а ниже виднелась табличка – «Поморьско Лётно Воинство». Семён обратил внимание, что буквы «и» и «эн» пишутся не так, как на Земле: «и» – с горизонтальной чертой, а «н» – с наклонной, как в латинице.

Внутри отделка здания была вполне сносной – стены побелены, на полу пуховый ковёр, длинные скамьи по бокам. Землянин обратил внимание на лампы на стенах – похоже, электричество в городе есть. В сенях разулись, Егорий перекрестился на деревянные точёные иконы в углу – двумя перстами, по-староверски, Семён последовал его примеру, хотя получилось это неумело.

– Нонче представлю тебя Олегу Трифоновичу, – тихо сказал Егорий. – Ён начальник гарнизону, во чине полководца. Ты помолчи, да порато лишнега не сказывай.

Землянин до сих пор не мог понять точного значения слова «порато». Они проследовали по ряду комнат, Егорий приветствовал встречавшихся летчиков легким кивком и словом «Доброхотствую». Семён заметил, что большинство из них примерно такого же, как и Егорий, роста – не больше метра семидесяти. Видимо, здесь весь народ был невысоким.

Олег Трифонович оказался коренастым помором лет сорока, с приличной покладистой бородой. Коричневый сюртук с множеством пуговиц, по-видимому, заменял военный китель, а на плечах был красно-белый орнамент, отличавшийся от того, что носил Егорий.

– Доброхотствую, полководец, – сказал Егорий и коротко поклонился. Видимо, честь здесь при разговоре со старшим по званию не отдавали. – Облёт-то во квадрате шестнадцать произвёл, машина во исправности. В раоне Сосновой Дороги неизвестной обнаружон. Семёном назвалси, говорит странно, утверждает, что со Земли.

– Ха, брехня кака?! – воскликнул басом Олег Трифонович, подозрительно оглядывая землянина. – Никак ходок ферьярьской. Ле саранпальской, кто из переехавших.

Егорий с Семёном коротко переглянулись, и землянин понял, что лучше помолчать.

– Порато не находит на ходока-то⁶, Олег Трифонович, – осторожно сказал пилот. – Ко тому ж со крестом серебряным, ковки сложной. При себё-то имёт машинку пишшашшуу, коих, разумею, нет инде⁷ и у мастеров крестолесовских. Говорит, как во книжках старых. Инде про войну не знат! Мне кажет-то, чужеземец из-за северов заплутавший. Читал жь, Олег Трифонович, во «Соловье-Вестнике» истории про иномирцов, истовённо оттуда. Кто ведат, можа у них мир по-давношному Землёю кличут.

– Басни читать-то всяк горазд, – нахмурился Олег Трифонович. – А ты попробь-ка страну да научны издумки от ходоков зашшитить! Хотя... помню годов-то шесть назад сверьху приказ приходил про иномирцев, говорили-де не трогать да осторожно быть. Не ведаю, чего и делат.

– Стали бы ферьярцы засылаць во Серафимьё ходоков, оружие не имящих? – спросил Егорий, пытаясь ещё больше убедить полководца. – По мне, так начальству доложить надобно.

– Начальству? – задумался Олег Трифонович и ещё раз внимательно посмотрел на Семёна. – Можат, и надобно, да только дел невпроворот... Семён тебя звать? Поди сюды, Семён, крест выкажь-ка.

⁶ «Порато не находит на ходока» – (поморск.). Сильно не похож на разведчика.

⁷ «Инде» – Даже

Землянин подошел к столу и достал из-под рубахи свой крестик. Начальник осмотрел изображение на передней стороне, затем перевернул на тыльную сторону и прочитал надпись «спаси и сохрани».

– Дивно как-то буквы написаны, – проговорил он. – Не по-нашенски. Да и крест не деревянный. А что за машинка-то у тебя?

– Вот, посмотрите, – сказал Семён и достал из кармана коммуникатор. – Только она сейчас работать не может, ей нужно зарядиться, да и сети у вас нет.

Олег Трифонович неумело взял в руки сотовый телефон, взвесил на руке, перевернул и потрогал выступающую камеру.

– И здесь буквы дивные. Нашто ёна?

– В смысле, зачем? – переспросил землянин. – Мы с помощью таких аппаратов связываемся между собой, можем переговариваться на дальних расстояниях, как...

– Как по телеслову? – удивился военный. – А мы – это кто?

– Люди моей цивилизации, – сказал Семён, решив больше не упоминать про Землю, и поправился, чтобы его поняли, – страны, откуда я родом. А кроме функции связи тут есть и фотокамера, и... программа для чтения, набора текста, музыкальный плеер. Он много чего может, только батарея садится быстро.

– Как чудно да не скрасна говоришь! – проговорил Олег Трифонович, впервые улыбнулся и вернул сотовый. – Ну и куды девать тебя такого?

– Ну, для начала, мне хотелось бы поесть, – признался Семён. – Я с утра не кушал.

– Иссь, что-ли, хотишь? Егорий, веди его ко себе во дом, накорми, да пусть там и спит пока. А завтрама веди прямо к Сергию Михайловичу, ён городской наместник, пускай-от и разбирается, куды и что. Не до того мне.

Полководец отвернулся, показывая, что разговор закончен.

– Погодите, Олег Трифонович, – рискнул спросить Семён. Егорий нахмурился и кивнул головой, намекая на то, что пора уходить. – У меня есть к вам одна просьба. Со мной был друг, тоже иномирец, он пошёл по дороге на запад. Как мне сказали, там идёт война, и...

– Сыщем и друга твоего, как⁸ дале военных рубежей не зашел, – проворчал начальник гарнизона и зарылся в свои бумаги.

* * *

От Лётного Двора землянин и поморец направились вниз по склону холма, мимо стройного ряда деревянных фасадов. Люди были одеты в простые монотонные наряды, однако «деревенщиной», в плохом смысле этого слова, тут и не пахло – горожане выглядели опрятными и образованными. Поморские девушки – все как одна красавицы – скромно опускали глаза, когда проходили мимо мужчин. Семён обратил внимание на большое число детворы на улице – похоже, с рождаемостью тут проблем не было. Ни одного пьяного землянин не заметил и потому сделал вывод, что порядки здесь разительно отличаются от порядков нынешнего вымирающего российского села.

Дом у Егория Ивановича, как и у большинства горожан, был большой, обильно украшенный резьбой. К дому примыкало несколько хозяйственных построек, назначения которых Семён не уяснил. Забора не было – видимо, горожане настолько доверяли друг другу, что оставляли земельные участки открытыми. У порога их встретил большой кот, похожий на дикого лесного.

Семья Егория приняла землянина тепло и радушно. Молодая миловидная жена принесла на ужин мясной бульон с бараниной, почему-то названный «ухой», каравай ароматного ржа-

⁸ Как (поморск.) здесь – в значении «если».

ного хлеба и кваса. Похоже, что традиции гостеприимства остались у поморов с давних, ещё Земных времён. Семён был готов сразу наброситься на еду, но Егорий остановил его.

– Негоже грязнорукому за стол садище. Иди-ка к рукомойнику.

«С чужими традициями лучше не спорить», – решил Семён, хотя живот уже крутило так, что не было мочи.

К вечеру облака рассеялись. Семён вышел во двор и снова поразился строению этого мира. Вместо яркой, отчётливо различимой звезды, на небе светило гигантское пятно с размытыми, завихряющимися краями, постепенно гаснувшее на востоке.

– А где ваше светило? – удивленно спросил Семён вышедшего вслед за ним на крыльцо Егория.

– Чудной ты. Как где-ка, если вон ёно, шолнцё-то наше! – ответил помор и посмотрел, прищурясь, на пятно. – У вас тама-ка, небось, всё по-иному?

– Да, у нас солнце имеет вид маленького диска, а тут...

Этот мир был гораздо сложнее, чем мог подумать Семён. Землянину ещё предстояло открыть все его тайны.

Когда стемнело, Егорий принёс откуда-то чистую льняную одежду и отвёл гостя в маленькую отдельную комнатку. Спал Семён на двух составленных вместе лавках, на пуховой перине. Убранство комнаты для гостей казалось бедным – маленький столик, сундук в углу, полочка с маленькими резными иконами. Семён заметил, что вместо традиционного в трехчастной иконе Николая Угодника изображён некто с диагональным крестом – видимо, апостол Андрей. Похоже, здесь он был самым почитаемым святым.

С потолка свисала лампа накаливания в простеньком торшере, было заметно, что электропроводку подвели относительно недавно. За окном было намного тише, чем у шумного автовокзала в Екатеринбурге, воздух и в городе оставался свежайшим, и землянин мгновенно заснул.

* * *

Проснулся он утром оттого, что кто-то щекотал по носу гусиным пером. Землянин открыл глаза, чихнул, и увидел убегающего озорного мальчишку – сынишку пилота, Егория.

– Ах ты, хулиган маленький! – сказал Семён, вскочил с постели и хотел, было, погнаться за проказником, но внезапно увидел в окно странную процессию и остановился.

По узкой улочке, на которую выходило окно, шли люди – и старики, и дети, шли медленно, в одну сторону. Женщины, одетые в черные платки, что-то надрывно пели, а в середине процессии трое мужиков несли на длинных жердях выдолбленную половинку соснового ствола. Семён спросонья не сразу сообразил, что этот ствол – гроб, а процессия – не что иное, как обряд погребения.

– Дядьку Василя хоронють, – сказал мальчишка, незаметно подошедший к окну. – Мне остаться веляно, от мертвеца дом сторожиць, а я хотел поглядець, как через речку переносить будут.

– А... зачем через речку?

– Обвыщье такоё, – просто ответил мальчик. – Надо так.

Процессия прошла мимо дома и скрылась за поворотом улицы. Землянин спросил:

– А дядька твой родной?

– Не-а, пошто родной. Так, сосед наш.

– Тебя как звать? – спросил Семён.

– Филиппкой. Дядя Семён, родители-то до погосту ушли, велели мне вас накормиць.

Походите на кухню-то.

Ребёнку было от силы лет шесть – семь, а выглядел он на удивление серьёзным и хозяйственным. Прогнал из кухни кота, которого, как оказалось, зовут заморским именем Эдмунд, и достал из печи ухватом горшочек с тарелкой. На завтрак хозяева оставили кашу и пару ржаных плюшек – не сильно питательно, но всё же. Семён вымыл руки перед рукомойником – пора привыкать к местным традициям – неумело перекрестился на иконы в углу, изображая благодарственную молитву, и принялся за трапезу. Филиппка сидел рядом и внимательно наблюдал за землянином, сначала это немного раздражало, но в конце Семён привык, набрался смелости и спросил:

– Филипп, а нет чего-нибудь мясного? Просто я привык утром есть... питательную пищу. Мальчик весело засмеялся и проговорил:

– Чудной вы, дядька Семён, как-ж мясна-то пища, когда у нас сёдне пятница – день постный?

– Я... просто не знал, что пятница, – нашёл отговорку Семён и нахмурился. Перспектива соблюдать пост не сильно вдохновляла, но, похоже, другого выхода не было. – Со счёту дней сбился.

– Быват, – откликнулся сын пилота.

Неожиданно Семён вспомнил о вопросе, который собирался задать ещё вчера, но как-то забыл.

– А какое сегодня число?

– А, почитай, уже восемнадцато июню, Петров пост идёт.

– Какой год?

Мальчишка рассмеялся и спросил:

– Да откуда свалился такой чудной? Четыреста третей уж, почитай, от сотворения миру.

За прошедший день Семён научился не удивляться подобным новостям, вот и сейчас эту информацию он просто принял к сведению.

* * *

Хозяева пришли через час. Семёна одели в старый, но неплохо сохранившийся сюртук, некогда принадлежавший дяде Егория, и они пошли с пилотом к городскому наместнику, чьи каменные двухэтажные апартаменты виднелись на холме. Егорий всю дорогу молчал – вероятно, привычная болтливость пропала после похорон соседа.

Вход в здание не охранялся – видимо, наместник был готов принять любого из пятнадцати тысяч жителей Троеугорска. Сергей Михайлович оказался ростом примерно с Семёна – чуть больше метра семидесяти. В отличие от большинства замеченных на улице горожан, бороды и усов он не носил, лицо было гладко выбрито, волосы коротко подстрижены. Если бы землянин встретил наместника на улице Екатеринбурга, то ни за что бы не выделил его из толпы. Единственное, что немного отличало Сергея Михайловича от россиян двадцать первого века – это строгий темный сюртук странного покроя с тонкой меховой оторочкой на воротнике. На столе у городского начальника лежал деревянный аппарат непонятного назначения с красивой резьбой, вдоль стены стояли два старинных высоких шкафа с множеством книг. Над столом висел портрет какой-то пары, судя по одежде – высокого ранга.

– Садись, Семён, – городничий пожал руку землянину и указал на стул. – И ты, Егорий Иванович, садись, коль пришёл. Мне про случай ваш уже рассказал Олег Трифонович. Признаюсь, я представлял тебя, Семён, совсем другим. С Земли ты, иль с Чужеземья Северного – для меня без разницы. Одно я знаю, что таковые, как ты, люди в Поморье появлялись и век, и два назад. Один из них, по слухам, жив до сих пор.

«Это интересно, – подумал Семён. – Если есть землянин, значит, мы с Игорем не одни в этом мире». Наместник замолчал, видимо, задумался.

– Сергей Михайлович, разрешите спросить? – решился Семён. – Вы говорите практически на том же языке, на котором говорят и у нас...

– Не стоит на «вы», Семён, – покачал головой городничий. – Ты уж не ребёнок, чтобы мне «выкать». И как, прости, тебя по отчеству, иль не носите у себя отчества?

– Вячеславович. Семён Вячеславович Григорьев. Откуда ты знаешь язык?

– Так вот, Семён Вячеславович. Я учился в Новуградской академии, что находится на границе Серафимья и Крестолесья, в устье Мокшени. Там нас учили старой речи, что называлась российским языком. Как сказал мне Олег Трифионович, ты говоришь на ней?

– Да, это русский язык, если быть точным. Но почему на нем не говорят другие?

Поморец покачал головой.

– Разговаривать на нем не приветствуется, потому как это язык научных трудов. Ровно так же, как и не говорим в миру мы на старославянском, языке молитв. Ко тому же, сейчас большинство книг издаются на поморской говори. Однако, в Новуграде немало тех, кто отходит от устоев и спокойно общается в быту на сим древнем языке. Новуград вообще город странный...

Землянин кивнул. Наместник внезапно спохватился, вытащил из деревянного устройства на столе цилиндр с проводом, повернул какие-то рычажки и громко сказал:

– Мосей, будь доброй, снеси нам чайник и три стакану.

Телефон, понял Семён. У поморцев есть устройства связи, и это хорошо. Наместник упомянул много непонятных географических названий, и Семён спросил у него:

– Сергей Михайлович, у тебя есть карта?

Наместник кивнул, нисколько не удивившись подобной просьбе, поднялся и достал из глубин шкафа свернутую трубкой карту.

Стр:

– Чудной ты, Семён, – вполголоса проговорил Егорий. – У нас же во доме така истовённо карта-то и лежит. Поконал бы, и я бы дал, пошто наместника-то тревожишь.

– Ничего, пусть. Вот она, земля Поморска, – проговорил тем временем городской глава и развернул на столе большой лист. – Карта несколько устарела, ко примеру, граница Мансийского Хаканата теперь восточнее идёт, вот тут... Очень близко к нашему городу, как видишь. Сейчас там вялотекущий конфликт. Серафимье наше – самое западное княжество... то есть княжество, восточнее по северам идет Крестолесье, и самое восточное – Синелесье. В ём много мансийцев живёт. А южнее Крестолесья и Синелесья – Приошерье, они к морю не выходят, зато снабжают половину материка зерном. Всего четыре княжества у нас. И вот здесь, в устье Мокшени – Новуград, новый город.

– А он кому принадлежит? К Серафимью, или к Крестолесью?

– А ни к кому ён не принадлежит, – встрял Егорий. – Ён вольной град, его все княжества вдруг строили, с вогулами в придачу.

– В смысле, «вдруг»?

– «Вдруг» – означает «вместе», «совместно», – пояснил наместник. – Вероятно, ты ещё каких-то слов не понимаешь?

– Никак не могу понять значения слова «порато», – признался Семён. – При чём здесь порка?

Поморцы рассмеялись. В этот момент вошел Мосей с подносом, молча пожал всем руки и так же молча удалился. Являлся ли он слугой, либо просто кем-то из сотрудников, Семён не понял.

– Это слово переводится как «много», «чересчур», – пояснил Сергей Михайлович и разлил зелёный чай по стаканам. – Ты давай, вопросы-то задавай, мне понравилось быть учителем и переводчиком!

Они просидели у наместника около часа, выпив по три стакана чая. Лишь пару раз во время разговора их прерывал звон (не звонок, а именно мелодичный звон) телеслова, и городской начальник отвлекался на свои дела. Семёна интересовало всё – начиная от истории Новомырья и заканчивая причинами войны.

– Причины войны просты и понятны, – сказал Сергей Михайлович. – Ферьярцы, они же сами называют себя мидгардцами, лишь пятнадцать годов назад стали производить дизели и машины на бензиновой тяге. Развитию их активному мешает, во-первых, малое количество нефтяных месторождений на своей земле. Наилегчайший способ перестать их закупать из-за рубежа – присоединить земли Саранпала и Мансипала к себе.

– Что это за земли?

Наместник описал рукой большой полукруг над картой.

– Это две половины Мансийского Хаканата, западная и восточная части огромной вогульской империи. Империи, что занимает больше половины Материка и, по сути, нами созданной, поморцами. Без технологий наших они так бы и остались такими, каковыми были в начале.

– Остались бы дикими? – предположил землянин, вспомнив о земных мансийцах, которых иногда показывали по областным каналам.

– Нет, ну почему ж дикими. Их древняя культура своеобразна, а религия сложна. Но без нас бы они остались таким же закрытым лесным народом, разбитым на сотню родов. Мы не стали нести им свою веру, как это, если не путаю я, делали когда-то на Земле. Мы принесли им... государственность, вроде бы, так это зовётся?

Семён кивнул.

– А сколько всего поморцев, ферьярцев и манси?

– Ферьярцев, почитай, около восьмидесяти пяти миллионов, не считая рабов. В Хаканате народу – миллионов сто пятнадцать, но из них двадцать тувы и примерно десять – переехавших с южного архипелага маорийцев.

«Маори? Они-то здесь каким боком затесались?» – подумал Семён, но решил ничего не говорить.

– А нас – тридцать шесть, коли не путаю? – спросил Егорий.

Наместник кивнул и убрал карту.

– Да, не считая колонистов по всему свету.

– Это в Серафимье? – не понял Семён.

– Нет, это всё Поморье. В Серафимье живет одиннадцать миллионов. Мы – малый народ, зажаты между двумя империями.

– Зато – самый развитый, как я понял?

Сергей Михайлович кивнул, допил стакан чая и громко поставил его на стол, перевернув.

– Именно так. Но мы заговорились. Сёдня же я отправлю с телеграфной станции быстрое письмо дьяку Василию Аристарховичу Солодову, главе Особого Приказа при Совете Миров... то есть Общин. Не сомневаюсь, завтра же будет приказ доставить тебя в Пятилахтинск, потому готов будь к переезду.

– А как быть с документами? – спросил Семён. – Меня пропустят в столицу без документов?

– Да, Сергей Михайлович, у его и копейки нема, – добавил Егорий Иванович. – Мы уж думали-то всем миром ему деньги собраць, но, бывает, ты споможешь? Как-никак, иномирец Семён, дело важно.

– Да, разумеется, временную метрику мы тебе составим, и денег на неделю вперёд дадим, – наместник кивнул и поднялся. – Билеты, ежели всё получится, на переезд купим. Ну что, господа, меня дела ждут, надобно перестройку стены городской осмотреть будет.

– Ещё один вопрос, Сергей Михайлович. В самом начале вы... то есть ты упомянул о чужеземце, который жив до сих пор. Кто он такой?

Городской наместник покачал головой.

– Мне мало о том ведомо, но ещё когда учился я в Новуграде, десять годов назад, поговаривали у нас о некоем старце учёном, что трудится в Доме Науки. Дескать, прибыл он неизвестно откуда, ровно как и ты. Звали его Александр, но было ему уже за восьмой десяток. Не ведаю, жив он, иль нет. Вроде как сын у него оставался...

Егорий так же резко поставил пустой стакан на стол – вероятно, так обозначали конец чаепития.

– Пойдём, Семён, нечего Сергия Михайловича задерживать.

И Семён тоже стукнул перевернутым стаканом по столу.

Глава 5

Игар очень смутно помнил то, что произошло после столкновения с всадниками. Первым, что он осознал спустя долгое время, была тупая, грызущая тело боль. Боль барахталась всюду – в ушибленной груди, в избитых дорогой ногах, в суставах, которые стягивала веревка. Последняя мучила немилосердно, Игорь почти не чувствовал пальцев и как-то отвлеченно подумал, что если пытка продолжится, то пользоваться ими он не сможет никогда. Чье-то колено, упервшись сначала в шею, затем в поясницу прижало его к земле. С него грубо сорвали шлем, едва не лишив носа, перчатку и пояс, забрали меч. Мужские голоса, комментируя странное одеяние незнакомца, говорили между собой сначала удивленно, затем откровенно насмехаясь над доспехами реконструктора. Сильные руки подняли студента над трактом, поставили на ноги. Очень странным казалось Игорю непосредственность и быстрота, с которой его разоблачали. Ему подумалось, что люди чужого мира, встретившие на дороге незнакомца, облаченного столь странно, как он, должны проявить большее удивление и растерянность. Но темным всадникам, по всей видимости, путники в средневековых кольчугах были совершенно не интересны либо ... они встречали их не впервой.

С ним никто не разговаривал, ни о чем не спрашивали. Били скорее для порядка, чем по-настоящему. Очень скоро варяг осознал себя бредущим по дороге за вихляющим конским крупом. Вероятно, ему повезло, и подкованные копыта не прошли по голове и телу. Лошадь сшибла Игоря грудью, он отлетел на несколько метров, врезался спиной в жесткий грунт, но остался, в общем, цел. Сильный ушиб, и, возможно, сломанное ребро причиняли ужасную боль, но двигаться реконструктор мог.

Следующие несколько часов он со связанными руками ковылял за лошадью. Никто не удосужился прикрепить конец веревки к седлу, а потому, движение пленника подстегивал только подгоняющий его с боку и сзади конный конвоир, время от времени тыкающий в спину чем-то тонким и жестким. Ружейным прикладом это быть не могло, а оборачиваться, чтобы посмотреть, у Игоря не было сил. Наконец, крайние изнеможение и подавленность сделали свое дело. Чувствуя, что просто не в состоянии идти дальше, Игорь повалился сначала на колени, затем упал лицом вниз. Спрыгнувший конвоир перевернул его сапогом. На фоне постепенно разгорающегося над головой Игоря гигантского светила, возникла широкая фигура с «бейсболкой» на голове.

– Farnasen?⁹ – спросили сверху.

Игорь закрыл глаза.

Самым странным являлось то, что, шагая с конной колонной несколько часов и слыша многочисленные команды, веселый смех, и просто разговоры всадников между собой. Игорь не уловил, что говорили вокруг на одном из северных диалектов. Только сейчас, очнувшись в «красно-серой» комнате с полуголой девицей, он осознал это четко. Речь всадников являлась непривычной смесью фарерского и исландского диалектов, а значит его облачение «под варяга» в некотором смысле тут не подходило. Местные общались вовсе не на языке скандинавов – шведов, датчан или норвежцев. В ходу была речь более дикая, древняя, насквозь просоленная рыбой и северным океаном, – то была речь оркнейцев, шетландцев, фарерцев и исландцев – дивный говор атлантических островов, ранней Гренландии и Америки «до Колумба».

⁹ «Farnasen» – Кончаем? (староисланд.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.